

Л. И. Нестерова

(Минск, филиал Российского государственного
социального университета)

ТРАДИЦИИ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Экзистенциально-герменевтический подход в языкознании сформировался благодаря двум направлениям в философии XX в. – экзистенциализму и герменевтике. Наиболее крупные представители немецкого экзистенциализма – М. Хайдеггер и К. Ясперс – во главу угла поставили вопрос о смысле и сущности индивидуального человеческого бытия. С позиции экзистенциалистов, подлинное человеческое бытие есть осмысленное, осознанное бытие каждого отдельного человека – экзистенция («существование»), которое составляет основание социального бытия и всего сущего вообще. Подчеркивается мысль об индивидуальном (субъективном) начале человеческого бытия, основанном на поисках собственного «Я», осознанном личностном выборе и ответственности. Представители герменевтики – В. фон Гумбольдт, Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, Г. Г. Гадамер – разрабатывали метод понимания, интерпретации определенной культурно-исторической ситуации, социального и индивидуального бытия. В противоположность рациональному познанию понимание индивидуального бытия рассматривалось сквозь призму языка и речи, определенных культурных концептов, зафиксированных в сознании человека. Сущность экзистенциально-герменевтического подхода заключается в том, что язык предстает как целостный «опыт мира», с помощью которого человек может познать и совершенствовать самого себя и окружающее его социальное и природное бытие. Языкознание приобретает, таким образом, новую структуру, содержание и цели, раскрыть которые необходимо путем анализа научных работ основных теоретиков.

В. фон Гумбольдт, являясь последователем идеалистических идей Г. В. Ф. Гегеля и Ф. Шеллинга, развил идеализм применительно к проблеме языка, основные характеристики которого можно рассматривать в качестве предпосылки формирования идей экзистенциализма и герменевтики.

В. Гумбольдт рассматривает язык как сущностную характеристику человека и называет его «инстинктом разума» (*Vernunftinstinct*) [1, с. 8]. По его мнению, язык входит в круг фундаментальных свойств человека, предназначенных не только для удовлетворения элементарных жизненных потребностей, но и, что важнее, интересов и целей более высокого порядка.

Действительно, если бы язык для человека выполнял лишь функцию передачи информации, сигналов, то его развитие не пошло бы дальше развития сигнальной системы у животных. Действие языка гораздо шире: он делает человека отличным от животных, обогащает его духовный мир и развивает личностные качества. Помимо этого, из тезиса Гумбольдта следует, что в процессе овладения языком и языковой деятельности (в речи, письме, чтении) непосредственно участвуют сознание и мышление человека, определяющие его деятельность. Поэтому процесс интеллектуального развития человека и овладение языком никак нельзя отделить.

Кроме того, В. Гумбольдт при наблюдении и изучении различных языков выдвинул идею о том, что «разные языки – это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения (*Ansichten*) его...» [1, с. 9]. Язык, по Гумбольдту, не есть ряд готовых названий к заранее данным предметам, не их простое озвучивание, а промежуточная реальность, сообщающая не о том, как называются предметы, а скорее о том, как они нам даны. Глубоко проникнув в тайны родного языка, можно стать соучастником нового мировидения – непрекращающегося процесса постижения мира через язык. «Путем многообразия языков непосредственно обогащается наше знание о мире и то, что нами познается в этом мире; одновременно расширяется для нас и диапазон человеческого существования» [1, с. 9].

Таким образом, язык представляет собой знаковую и звуковую систему, зашифрованную модель, видение мира, т. е. язык – мировоззрение, представленное в логической символической системе. Следовательно, овладение языком – это прежде всего постижение нового мировоззрения, характера культуры, духа народа. Чем больше иностранных языков изучает человек, тем большее число логических структур видения мира возникает в его сознании и соответственно больше механизмов функционирования в сложном культурном и социальном пространстве. В. Гумбольдт отмечал, что «хотя мы и разграничиваем интеллектуальную деятельность (*Intellectualität*) и язык, в действительности такого разделения не существует» [1, с. 10]. Следовательно, язык участвует в непрерывном процессе формирования сознания и моделей деятельности человека, когда через интеллектуальное творчество человек изменяет самого себя. Без учета данной особенности иноязычное образование превращается лишь в механическое овладение языковыми конструкциями.

Деятельностная природа языка, согласно В. Гумбольдту, возможна потому, что «язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека». Он называл его «подлинной реальностью» (*wahre Welt*) [1, с. 13]. Характеризуя язык как промежуточную реальность, ученый отмечал его деятельностный и изменчивый характер: «Язык есть не продукт деятельности, а деятельность (*Tätigkeit*)» [1, с. 24]. Эта дея-

тельность направлена на создание формы языка. Гумбольдт пишет: «Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли» [1, с. 23].

В языке, согласно В. Гумбольдту, как «промежуточной реальности» проявляется его социальный и культурный характер. Социальность языка заключается в том, что он как «мировидение» составляет основу коммуникации между людьми. «Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа» [1, с. 20]. Помимо этого, «теоретический горизонт» языка является результатом деятельности не отдельного человека, но целой общности людей.

«Язык – зеркало культуры. Между устройством языка и успехами в других видах интеллектуальной деятельности существует неоспоримая взаимосвязь», – писал немецкий языковед [1, с. 18]. Следовательно, культура и язык взаимодействуют и влияют друг на друга. Ведь если исключить язык из системы культуры, то окажется, что выпало очень важное условие культурного взаимодействия и творчества.

Онтологические идеи В. фон Гумбольдта о языке привлекли внимание ведущих представителей герменевтики – М. Хайдеггера и его ученика Г. Г. Гадамера.

М. Хайдеггер в русле экзистенциалистской философии, преимущественно на последнем этапе своего творчества, обращается к проблеме языка. Через язык он пытается найти смысл бытия, человеческого существования, определить его основания с помощью метода деструкции. Этот метод позволил бы ему проникнуть не только в основания метафизики, но и в основания бытия. Используя этот метод, он понял, что деструкция метафизики влечет за собой деструкцию языка метафизики, потому что в языковых процедурах (структурах, системах) закреплены метафизические принципы. Мышление метафизики соответствует языку метафизики. Поэтому язык для М. Хайдеггера является единственным полем деструкции и его анализ является единственным способом обнаружения смысла бытия. Такой вывод он сделал на основе анализа текстов и языков.

Далее М. Хайдеггер пытается обнаружить подлинные характеристики языка, обнаружить подлинный, бытийный язык. Он считает, что подлинный язык обладает онтологическим статусом (даже пытается выявить неизменные, бытийные слова). Основные выводы, которые он делает, можно изложить следующим образом:

✓ Бытие и язык взаимосвязаны; бытие можно познать только через язык, т. к. «человек не только живое существо, обладающее среди прочих своих способностей также и языком. Язык есть дом бытия, живя в котором человек экзистенцирует, поскольку, оберегая истину бытия, принадлежит ей» [2, с. 203].

✓ М. Хайдеггер утверждал, что человеческое бытие можно познать только через язык, исходя из взаимосвязи человеческого бытия, мышления и языка. «Повсюду и стремительно распространяющееся опустошение языка не только подтачивает эстетическую и нравственную ответственность во всех применениях языка. Оно коренится в разрушении человеческого существа», – писал автор [2, с. 195] и отмечал, что «сущность человека покоится в языке» [2, с. 259].

✓ Язык является самостоятельной смыслопорождающей силой. Этот тезис основывается на том, что «экзистенциально-онтологический фундамент языка есть речь» [2, с. 23]. «В области языка открывается многосложность элементов и взаимосвязей» [2, с. 264].

С точки зрения Г. Г. Гадамера, язык представляет собой среду герменевтического опыта, благодаря которой можно познать не только бытие в каждой конкретной культурно-исторической ситуации, но и осмыслить личностное бытие. Язык представляет собой мир, который «охватывает собой все, во что можно проникнуть, к чему может возвыситься наше познание» [3, с. 517]. Помимо онтологического статуса языка автором отмечается его вариативность и изменчивость, а вместе с тем и изменение жизнедеятельности человека и общества. Понять индивидуальное и социальное бытие, механизмы его функционирования и развития можно через язык, который есть «универсальная среда, в которой осуществляется само понимание. Способом этого осуществления является истолкование» [3, с. 452]. «Сущностная связь между языком и пониманием сказывается прежде всего в том, что само историческое предание существует в среде языка. Так что предпочтительный предмет истолкования сам имеет языковую природу» [3, с. 453].

На основании сказанного выше можно сделать вывод о том, что язык нельзя рассматривать лишь только как механизм получения, передачи и хранения информации. Он является живым организмом, интегрировавшим в себе индивидуальное и общественное сознание, которым можно овладеть через понимание и интерпретацию, интериоризацию концептосферы определенной культуры. Изучение языка и этих позиций позволит не только познать концептуальную модель культуры, особенность индивидуального и общественного сознания, но и овладеть определенным видением мира, программами деятельности и преобразования действительности. Изучая язык, человек усваивает теоретическую модель мира определенной культуры, алгоритм мировидения и деятельности.

Литература

1. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт; под общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. М., 2001.
2. Хайдеггер, М. Время и бытие : Статьи и выступления / М. Хайдеггер. М., 1993.
3. Гадамер, Г. Г. Истина и метод : Основы философской герменевтики / Г. Г. Гадамер; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М., 1988.

О. Г. Шаврова

(Минск, Белорусский государственный университет)

ГЕРМЕНЕВТИКА КАК ФИЛОСОФИЯ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Проблемы гуманитарного познания актуализируются в пространстве философско-методологических дискуссий начиная с XIX в. В этот период происходит процесс самоопределения и институализации наук об обществе, человеке и культуре, развиваются политическая экономия, социология, психология, культурология и другие научные дисциплины, направленные не только на объяснение изучаемых процессов и явлений, но и на их понимание. В XIX–XX вв. выделение предметной области и особых методов гуманитарного познания было связано с преодолением методологических стандартов классической научной рациональности, ориентирующей гуманитарные науки на идеалы и нормы естествознания. Методологические вопросы гуманитарного познания разрабатываются в «философии жизни», Баденской школе неокантианства, феноменологии, философской герменевтике – направлениях, обосновывающих принципиальное своеобразие предмета и методов «наук о духе».

Герменевтику как особый тип философско-методологической рефлексии над основаниями гуманитарного знания отличает утверждение культурно-исторической предпосылочности познавательного отношения человека к миру. Диалог рассматривается в герменевтике как основополагающий, универсальный принцип существования человека, определяющий условия и возможности понимания на основе целостного человеческого опыта и жизненной практики. Диалогичность гуманитарного познания обусловлена спецификой субъектно-объектных отношений, когда сам объект исследования имеет субъективное измерение. М. М. Бахтин писал: «При объяснении – только одно сознание, один субъект; при понимании – два сознания, два субъекта. К объекту не может быть диалогического отношения,